

УДК 82/821

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПОСТИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ В.Г.КОРОЛЕНКО

© В.Н.Крылов

Статья посвящена анализу различных документально-публицистических произведений В.Г.Короленко, объединенных американской темой. Проведенный анализ позволяет видеть в текстах Короленко не просто этнографические путевые очерки, а глубокие размышления о двух образах мира – русском и американском, содержащие оценку темпов технического прогресса, идеалов свободы, уважения к личности, отношение к прагматизму, индивидуализму.

Ключевые слова: диалог, национальное, Россия, Америка, В.Г.Короленко, свобода, справедливость.

В основе предлагаемой статьи лежит теоретическое представление, разделяемое современными исследователями о том, что национальное самосознание строится и сохраняется в культурных текстах. «В этих текстах воплощаются, превращаясь в реальность, абстрактные идеи России и «русского», делая коллективное самосознание зримым для тех, кто причисляет себя к нему. В качестве таковых они фактически создают идентичность. Вернее, они создают те идентичности, благодаря которым Россия и русское принимают непрерывно меняющиеся формы. Поэтому национальная идентичность это процесс, а не результат» [1: 14]. Русская литература становится «одной из ведущих составляющих в саморефлексии нации и конструировании национального воображаемого» [2: 6]. В русской литературной традиции публицистика, наряду с собственно художественной литературой, является значимой формой осмысления национальной идентичности. В богатейшем и далеко еще не освоенном творческом наследии публицистической мысли серебряного века видное место принадлежит В.Г.Короленко. Навсегда в историю отечественной мысли вошли выступления Короленко в защиту национальных меньшинств (изображение якутского народа, очерки о кишиневском погроме, последовательная защита евреев в «деле Бейлиса», защита крестьян-удмуртов, обвиненных царскими властями в ритуальном убийстве (т.н. «мултанское дело»). Кровно связанный с украинскими и польскими корнями, Короленко воспринимал себя представителем русской культуры и потому более всего размышлял на тему России.

Для русского реализма рубежа XIX-XX веков одной из самых острых тем становится тема России, ее исторического своеобразия, ее будущего. Разумеется, задача углубленного познания России не могла решаться без обращения к опыту

«чужого» мира. Редкий «толстый журнал» того времени не публиковал разного рода путевые очерки, этнографические циклы путевых заметок о жизни и быте разных народов. Вот неполный перечень подобных материалов, опубликованных в журнале «Русская мысль» в 1908 году, свидетельствующий о буме подобной литературы: «Россия в Италии» М.Первухина (№3), «Письма из Польши» А.Погодина (№3), «Европеизация» Д.Протопопова» (№4), «Духоборы за морем» Щ.Антоня (№40), «Письма из Германии» К.Н.Соколова (№5), «На Иматре» Л.М.Василевского (№6), «Поездка в Египет» М.Ростовцева (№6) и т.д.

Культурологической аксиомой давно стала мысль о том, что познание «своего» невозможно во всей полноте без постижения «чужого»; диалог с «другим» позволяет найти новые, скрытые смыслы в своем «слове» и, в конечном счете, в тексте культуры. Такая теоретическая установка позволяет установить идентичность через сопоставления и сравнения. «Мы определяем, кто „мы“ такие, не просто через самих себя, а через то, как, по нашим представлениям, мы похожи или не похожи на „них“» [1: 19].

В начале XX века предметом философско-публицистических размышлений русских писателей становится американизм и американский характер, рассмотренный сквозь призму популярных тогда концепций противостояния культуры и цивилизации. Так, В.В.Розанов рассуждал об отсутствии взаимного понимания европейцев и американцев. Если «европеизм» есть человечность, все европейские народы «имеют каждое тысячелетие свою национальную церковь, с неизмеримым и ежедневным ее влиянием», то американское общество пронизано торгашеским духом. В этом контексте Россия виделась Розанову «в самом строгом смысле культурной страной». [3: 165]. Мысль Розанова, на наш взгляд, позво-

ляет понять специфику художественного отражения Америки в текстах русских писателей.

В 1893 году журнал «Русская мысль» командировал В.Г.Короленко в качестве корреспондента на всемирную выставку в Чикаго. Путешествие через Европу в Америку непосредственно отразилось в одном из самых известных его художественных произведений – повести «Без языка», а также в разных автодокументальных текстах: переписке, записных книжках, путевых очерках, публицистике. Письма, очерки, записные книжки Короленко полны многообразных сравнений Америки с Россией.

Уже перемещение по Европе (Финляндии) вызывает у Короленко попутные размышления об «особой примете» русского человека, о «паспортном» чувстве, так отличающем русских от других народов: «Англичанин, например, в отечестве-ли, или на чужбине, есть прежде всего именно то, чем он себя именует. А если бы кому угодно было в его „личности“ усомниться, то этот скептик обязан был бы обеспокоить себя представлением доказательств и оснований как для сомнений, так и для изъявления оных... Русский человек, наоборот, находится во всегдашней готовности доказывать свою подлинность, и недаром бумажка, заключающая в себе доказательства, называется нашим „видом“» [4: 17].

Эта тема осознания национального на фоне европейских и американских реалий станет постоянной во всех текстах Короленко. На эту тему Короленко даже рефлексировал: «Мы, русские, к какому бы сословию, классу, направлению ни принадлежали – въезжаем в первый раз за границу с особенным чувством. Пусть это будет наивное доверие к западу или, наоборот, кичливое „патриотическое“ пренебрежение, – но всегда в первом взгляде нашем на свободную Европу читается один и тот же вопрос: „Ну, что же у вас тут лучше нашего? У вас тут свобода, конституция или республика... Что же, нет у вас голода, нищеты и порока?“...» [4: 36].

Предложение квартирной хозяйки воспитывать русских детей в английских семьях рождает в письме сложное чувство: с одной стороны, легкой зависти («здесь воспитывают отлично: я посмотрел этих красивых девушек, учившихся в английских школах, мальчишек, румяных и крепких, и что главное – бодрых, веселых, живых, с отличной мускулатурой и физической выправкой, – и мне стало немного завидно» [5: 187], с другой стороны, выражается чувство опасения за судьбу русского языка. Но вот он вспоминает один характерный рассказ одного русского человека в Америке, национальность которого чиновник почтамта узнал по тому, как тот на-

клеивал марки на конверте, боясь, что прочитают его письмо. Такая мелочь показывает, как «уверенность в обиходной честности развивается вместе с культурой») [5: 20-21].

Постоянный мотив, через который Короленко передает взгляд Матвея Лозинского, героя повести «Без языка», на «чужой» мир, это контраст природного и культурного. Пораженный технической мощью Америки, герой воспринимает их через привычные и близкие ему образы природы.

А в очерке «Русские на Чикагском перекрестке», передавая впечатления о чикагской выставке, Короленко замечает, что «природа ночи исчезла, был только искусственный свет, камень, суэта, теснота и грохот» [4: 93]. Но по мере того как попутчики (русские) приближаются к окраине города, «становилось несколько тише и угадывалось, что там где-то в далеком божьем мире стоит ночь, просторная, широкая, задумчивая, безграничная и таинственная» [4: 93].

Ранние очерки Короленко – это не просто этнографические путевые очерки, а глубокие размышления о двух образах мира – русском и американском, содержащие оценку темпов технического прогресса, идеалов свободы, уважения к личности, отношение к прагматизму, индивидуализму. Отношение Короленко к Америке амбивалентно. С одной стороны, характерно такое признание, выраженное в письме к жене: «Бог с ними, с Европами и Америками! Пусть себе процветают на здоровье, а у нас лучше. <...> Лучше русского человека, ей-богу, нет человека на свете» [5: 197]. А в письме к Э.Л.Улановской, отправленном тотчас по возвращении из-за границы в Нижний Новгород, Короленко писал: «Плохо русскому человеку на чужбине, и, пожалуй, хуже всего в Америке. Хороша-то она хороша и похвального много, – да не по нашему все» [4: 8]. С другой стороны, это «удивительная страна!» [4: 86].

Поэтому неоднократно в путевых заметках изображаются своего рода идеологические диалоги. В очерке «Русские на Чикагском перекрестке» дан диалог встретившихся на чужбине русских эмигрантов, один из которых охарактеризован как человек желчный, «по обычаю почти всех русских, – отзывался об Америке и американцах с большой горечью» [4: 91]. Они говорили о России, «о ее небольших городках, широких полях, степных дорогах, об ее народе, неторопливом и добродушном» [5: 91]. Один из участников диалога называет американцев черствым народом, однако их разговор приходит к такому неожиданному заключению: тоска русских на чужбине – это тоска по справедливости, которой

нет на родине («И там, где нет справедливости, нельзя говорить о любви») [4: 92].

Увиденное в Америке глубоко запечатлелось в творческой памяти Короленко и потом неоднократно «всплывало» в самых разных обстоятельствах, контекстах, трансформируясь и в художественные образы, и в публицистические рассуждения.

К американской теме Короленко обращался не раз в дореволюционной публицистике. В 1916 году он публикует фельетон «Мнение американца Джаксона о еврейском вопросе», где вспоминает свое путешествие по Атлантике и одного надменного американца. Здесь в фельетонном ракурсе представлены образы американцев, «хваленых сынов заатлантической республики» [6: 140]. Отношение к еврейскому вопросу становится для Короленко поводом для размышлений о правах человека. Итоговый вывод этого фельетона навеян идеологической беседой в далеком 1893 году: «Любовь, как Благодать, веет иде же хочет. Справедливость обязательна, как воздух для дыхания» [6: 143-144].

Американскую поездку он вспоминает и в статье «Американский судья о русской полиции», где включается в полемику между газетами «Русские ведомости», «Киевская мысль» и другими периодическими изданиями по поводу репортерской заметки «Что мы, в России, что ли», опубликованной в чикагской газете «Tribune» (речь шла о реплике американского судьи, воскликнувшего из-за грубости местной полиции нравов: «Да что же это: в России что ли?») [6: 161]. Короленко-публицист вовсе не идет по пути обязательного патриотического восхваления существующих российских порядков. Он считает, что русские писатели в этом не могут быть едины. Сравнивая состояние прав человека в России и Америке, он делает его в пользу Америки. Приводя жуткие эпизоды из своего публицистического опыта, как полиция расправлялась со смиренным обывателем, писатель задается вопросом и сам же на него отвечает: «Возможно ли что-нибудь подобное в Америке? Не думаю, чтобы и там не было подобных зверей, но все-таки ничего подобного там невозможно. Прежде всего, невозможно ворваться подобным образом в дом американца ночью. Во-вторых, там полиция не считается при исполнении обязанностей во всякое время.<...> Одним словом, нет сомнения, что в России возможно еще многое, что совершенно уже невозможно в Америке» [6: 165]. В этой связи находится и осуждение Короленко национализма. В статье «Несколько мыслей о национализме» он задается вопросом: «Что такое русский человек? Национальность

наша есть факт, так сказать, первичный, сопровождающий нас от рождения и налагающий на нас свой отпечаток, естественно, неизбежно и непосредственно. Мы русские потому, что родились в России, дышали с рождения ее воздухом, глядели на ее убогую, грустную, но порой и прекрасную природу, выражали свои чувства звуками ее речи, первую свою любовь, и свой первый гнев, и все другие ощущения отдали русским же людям. Это факт, который, конечно, не может не сказаться в нашем душевном строе и во всем поведении» [7]. Но ощущение себя, своих достоинств и недостатков «не должно заставлять нас любить и прославлять недостатки лишь потому, что они наши, и отрицать чужие достоинства, потому что они чужие... И прежде всего человек, у которого в душе есть истинное ощущение национального достоинства, – не станет выпячивать его в ущерб другим, так же, как не станет выпячивать своей, никем еще не затрагиваемой „чести“» [8]. Таких людей Короленко называл «ультрарусскими патриотами» [7].

5 декабря 1917 года, комментируя письмо студента Льва Резцова в газете «Свобода и жизнь», переметнувшегося со стороны белой гвардии к большевикам и сравнившим Россию с автомобилем, управляемым безумно смелым шофером, Короленко замечает: «Наша психология – психология всех русских людей – это организм без костяка, мягкотелый и неустойчивый. Русский народ якобы религиозен. Но теперь религии нигде не чувствуется. Ничто „не грех“. Это в народе. То же и в интеллигенции» [8].

В написанных незадолго до смерти «Письмах к Луначарскому» тема Америки и сопоставление российских и американских порядков, разных культурных традиций возникает неоднократно. В «Письме втором» он утверждает, что Россия не была готова к социальному перевороту, русскую революцию он называет азиатской, а на приветствия с Востока заявляет: «Азия отзывается на то, что чувствует в нас родного, азиатского» [9: 146].

В «Письме третьем» он снова обращается к параллели (Россия и Америка, а также Европа) и поднимает острый вопрос о том, что русский народ отстал в воспитании нравственной культуры: «Над Россией ход исторических судеб совершил волшебную и очень злую шутку... от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел к ...коммунизму, по крайней мере, к коммунальному правительству. Нравы остались прежние, привычки и уклад жизни тоже» [9: 150].

В «Письме четвертом» Короленко пытается развеять укоренившиеся мифологические пред-

ставления о сущностных характеристиках народа: «При переходе к этому будущему от настоящего не все подлежит уничтожению и разгрому. Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати для них не простые „буржуазные предрассудки“, а необходимые орудия дальнейшего будущего, своего рода палладиум, который человечество добыло путем долгой и небесплодной борьбы и прогресса. Только мы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся пользоваться ими совместно с народом, объявляем их „буржуазным предрассудком“, лишь тормозящим дело справедливости. Это огромная ваша ошибка, еще и еще раз напоминающая славянофильский миф о нашем „народе-богоносце“ и еще более нашу национальную сказку об Иванушке, который без наук все науки превзошел и которому все удается без труда, по щучьему велению» [9: 156-157]. По мысли Короленко, «любить народ надо не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности» [9: 159].

И снова в письме появляется аргумент из американских впечатлений: «Когда я путешествовал по Америке, например, я с удовольствием думал о том, что у нас невозможны такие суды Линча, какой около того времени разыгрался в одном из южных штатов: негр изнасиловал белую девушку и, чтобы скрыть преступление, убил ее. Население городка устроило [законный] суд и сожгло его живым на костре. <...> Я думаю, что даже и теперь, во время величайшего озверения, у нас подобное явление невозможно. Славянская натура нашего народа мягче англосаксонской!» [9: 160].

И все же писатель, много поживший и хорошо знающий Россию и русские порядки, горестно констатирует, что «в Америке нравственная культура гораздо выше», хотя «по натуре, по природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира, и это заставляет любить его» [9: 160-161]. Это была выстраданная писателем позиция. В теме национальной самокритики Короленко был не одинок, с ним были солидарны М.Горький и И.А.Бунин, а в XIX веке П.Я.Чаадаев, В.С.Соловьев. Примерно в это же время М.Горький в забытой ныне статье «О гражданском воспитании» (1918) писал: «У нас всегда сколько угодно „ориентаций“, но нет только самой лучшей – ориентации на самого себя, на свои силы. Гражданин западных государств, наоборот, привык ориентироваться именно на себя самого и, начав эту ориентацию борьбою с фео-

далами, превосходно закончил ее Великой Революцией. Наше городское гражданство выступило на поле политической борьбы только однажды в Смутное время и, одолев бесчисленные скопища врагов, немедленно уступило свои законные права и обязанности земельному дворянству, расшатавшему, изуродованному „разрухой“» [10: 273].

Короленко трудно отнести к какому-то определенному течению общественной мысли, но очевидно (и в этом убеждают малоизвестные ранее материалы), что трагические события революционных лет, воспринятые этически и эстетически, сквозь присущее писателю тяготение к принципам справедливости, долга, права и порядка, уважения к личности, усиливали критическое отношение к отечественной ментальности. Но вопрос о том, считал ли он негативные свойства национальной идентичности имманентно присущими народу или привнесенными внешними факторами, остается открытым и требует дальнейшего изучения.

1. *Франклин С., Уиддис Э.* «Все России» или «Вся Русь?.. // Национальная идентичность в русской культуре. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С. 12 – 21.
2. *Бреева Т.Н.* Национальный миф в русском историко-философском романе рубежа XX-XXI веков. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 272 с.
3. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – 734 с.
4. *Короленко В.Г.* Полное собрание сочинений. Пособное издание. Неизданные произведения. – Т. XVIII. – Харьков: Государственное издательство Украины, 1923. – 167 с.
5. *Короленко В.Г.* Собрание сочинений в 10 томах. – Том 10. Письма 1879-1921. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 717 с.
6. Неизданный В.Г.Короленко [в 3 т.] – Т. 1. Публицистика 1914-1916. – М.: Пашков дом, 2011. – 352 с.
7. *Короленко В.Г.* Несколько мыслей о национализме // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова, 1994-2015. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1100.shtml (дата обращения: 7.03.2015).
8. *Короленко В.Г.* Дневник 1917-1921 гг. // Lib.ru: Библиотека Максима Мошкова, 1994-2015. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1921_dnevnik.shtml (дата обращения: 7.03.2015).
9. *Короленко В.Г.* Земли! Земли! – М.: Сов. писатель, 1991. – 224 с.
10. *Горький М.* О гражданском воспитании // Вопросы литературы. – 1990. – № 4. – С. 272 – 275.

DIALOGUE AMONG CULTURES AND UNDERSTANDING OF NATIONAL SPECIFICITIES IN V.G.KOROLENKO'S JOURNALISM

V.N.Krylov

The article analyzes Korolenko's documentary and publicistic works devoted to the American theme. The analysis of Korolenko's texts allows us to perceive them not just as ethnographic travel essays but as profound reflections on the two images of the world – Russian and American, reflections containing his evaluation of the pace of technological progress, the ideals of freedom, respect for the individual, his attitude towards pragmatism and individualism.

Key words: dialogue, national, Russia, America, V.G.Korolenko, freedom, justice.

1. *Franklin S., Uiddis E'. «Vse Rossii» ili «Vsya Rus'?.. // Nacional'naya identichnost' v russkoj kul'ture.* – M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2014. – S. 12 – 21. (in Russian)
2. *Breeva T.N. Nacional'nyj mif v russkom istoriosofskom romane rubezha XX-XXI vekov.* – Kazan': Kazan. gos. un-t, 2010. – 272 s. (in Russian)
3. *Rozanov V.V. O pisatel'stve i pisatelyax.* – M.: Respublika, 1995. – 734 s. (in Russian)
4. *Korolenko V.G. Polnoe sobranie sochinenij. Posmertnoe izdanie. Neizdannye proizvedeniya.* – T. XVIII. – Har'kov: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1923. – 167 s. (in Russian)
5. *Korolenko V.G. Sobranie sochinenij v 10 tomah.* – Tom 10. Pis'ma 1879-1921. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo xudozhestvennoj literatury, 1956. – 717 s. (in Russian)
6. *Neizdannij V.G.Korolenko [v 3 t.] – T. 1. Publicistika 1914-1916.* – M.: Pashkov dom, 2011. – 352 s. (in Russian)
7. *Korolenko V.G. Neskol'ko myslej o nacionalizme // Lib.ru: Biblioteka Maksima Moshkova, 1994-2015.* URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1100.shtml (accessed: 7.03.2015). (in Russian)
8. *Korolenko V.G. Dnevnik 1917-1921 gg. // Lib.ru: Biblioteka Maksima Moshkova, 1994-2015.* URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1921_dnevnik.shtml (accessed: 7.03.2015). (in Russian)
9. *Korolenko V.G. Zemli! Zemli! – M.: Sov. pisatel', 1991. – 224 s. (in Russian)*
10. *Gor'kij M. O grazhdanskom vospitanii // Voprosy literatury.* – 1990. – № 4. – S. 272 – 275. (in Russian)

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: krylov77@list.ru

Krylov Vyacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Instruction, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: krylov77@list.ru

Поступила в редакцию 20.03.2015